

Смешанная комиссия из представителей советско-монгольской и японо-маньчжоугоской делегаций имела целью установить точную границу между Монгольской Народной Республикой и Маньчжоу-Го в районе конфликта летом 1939 г. на основании соответствующих авторитетных официальных документов. Но на шестнадцати заседаниях комиссии, происходивших с 7 по 25 декабря 1939 г. в г. Чите и с 7 по 30 января 1940 г. в г. Харбине, выяснилось, что точки зрения делегаций по вопросу уточнения границы противоположны. Правительство Маньчжоу-Го не согласилось с тем, что спорный район принадлежал МНР, но готово было пойти на уступку и предложило северную часть этого треугольника по параллели 118 восточной долготы признать территорией Маньчжоу-Го, а южную часть – территорией МНР.

9 июня 1940 г. было подписано соглашение Молотов – Того об уточнении границы в районе конфликта, создании комиссии по урегулированию и предупреждению конфликтов и по демаркации границы. При этом советская сторона согласилась признать пограничный район Алушань, который имел наиболее важное значение для Японии и Маньчжоу-Го, а Япония решила уступить МНР остальную часть спорной территории. По взаимному согласию делимитация границы была назначена на июнь 1941 г.

Характеризуя политическую ситуацию на Дальнем Востоке в 30-е гг. XX в, можно отметить, что она отличалась крайней напряженностью во взаимоотношениях Японии, СССР, Китая, и основным ее аспектом в данный период стали пограничные инциденты. Общая неурегулированность советско-японских отношений, обострение международной обстановки в целом провоцировали условия, при которых конфликты становились неизбежными и, в итоге, приобрели широкий размах. Поводом для инцидентов были спорные вопросы о принадлежности территории той или другой стороне, но при этом ни одна не взяла на себя инициативу организации переговоров по уточнению всей линии дальневосточной границы и не проявляла заинтересованность в достижении компромисса во время работы созданных пограничных комиссий. Постоянно вовлекая друг друга в очередной конфликт, стороны стремились обеспечить себе стратегический перевес в дальневосточном регионе, продемонстрировать свою силу, укрепить политическое влияние. После сентября 1939 г. нестабильность советско-японских отношений сменилась установлением на определенное время мира и баланса сил в регионе между СССР и МНР с одной стороны, и Японией и Маньчжоу-Го – с другой.

В.В. Хренов

ФАКТОР КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЫ В ПРОЦЕССЕ ВСТУПЛЕНИЯ ТУРЦИИ В НАТО

Конфликт на Корейском полуострове 1950 – 1953 гг. стал переломным этапом в истории холодной войны не только для великих держав, но и для некоторых малых стран, которые принимали участие в войне на Корейском полуострове в составе союзных войск ООН. В их число входило шестнадцать стран, оказавших военную помощь, среди которых далеко не последнюю роль сыграл турецкий военный контингент. Участие Турции в Корейской войне оказало серьезное влияние на ее дальнейшую политическую судьбу, результатом чего стало принятие этой страны в НАТО.

Историками многих стран написано много книг и статей на тему Корейской войны. Иначе же дело обстоит с вопросом об участии войск ООН в корейском конфликте. Данная тема рассматривается в основном в работах корейских, турецких и американских исследователей, при этом у последних исследования носят несколько ограниченный характер, поскольку касаются преимущественно участия в Корейской войне самого многочисленного контингента союзных войск ООН – армии США. Однако той роли, которую сыграли немногочисленные воинские контингенты, в том числе и турецкие войска во время этой войны, а также тому, какое влияние оказала эта война на ход исторического развития таких стран, уделяется весьма поверхностное внимание.

В процессе написания данной статьи автор в первую очередь опирался на американские внешнеполитические документы Госдепартамента США, которые были найдены в библиотеке Парламентской Ассамблеи Республики Корея. Основная масса источников и литературы, касающихся рассматриваемого вопроса, издана на английском языке, в значительно меньшей степени на турецком и корейском. Практически полное отсутствие соответствующих материалов на русском языке объясняется тем, что турецко-корейские отношения не были предметом изучения ни в советской, ни в российской литературе в силу своей специфики. Российские и советские историки, занимающиеся вопросами истории Турции или Корейской войны, участие Турции упоминают крайне поверхностно, или же вовсе не придают этому значения. Возможной причиной этого является то, что данная тема выходит за рамки как советско-турецких, так и советско-корейских отношений, и непосредственно касается лишь Турции, Республики Корея и США.

В этой войне Турция и ее союзники выступали против коммунистических сил в лице КНДР, КНР и СССР. Однако, если с геополитической точки зрения, Турция за всю свою историю до Корейской войны не имела никаких тесных контактов, а тем более конфликтов ни с Китаем, ни с Кореей, то с СССР ситуация об-

стояла иначе: российско-турецкие отношения имеют долгую историю, и конфликтов между ними было немало. Однако если раньше эти конфликты носили преимущественно характер территориальных претензий, то в период существования СССР к ним добавился также идеологический аспект, который стал одним из факторов, оказавших влияние на решение турецкого правительства отправить свои войска на Корейский полуостров «для защиты свободной Республики Корея от коммунистической агрессии».³⁴⁸

Прежде чем начать рассмотрение корейского фактора в процессе вступления Турции в НАТО, следует сделать краткий обзор внешнеполитической обстановки, сложившейся в рамках отношений с СССР и США к 25 июня 1950 г., которая обусловила необходимость вступления страны в этот блок.

По окончании Второй мировой войны Турция оказалась под давлением со стороны Советского Союза, который предпринял попытку предъявить ей территориальные претензии и добиться пересмотра в свою пользу конвенции Монтрё о режиме прохода судов через черноморские проливы. Это обстоятельство ухудшило отношения Турции с Советским Союзом и привело к ее сближению с США, что первое время выражалось в оказании экономической помощи по плану Маршалла.

С созданием НАТО в 1949 г. турецкое правительство стало стремиться вступить в эту организацию, поскольку оно понимало, что только в этом случае будет максимально обеспечена ее безопасность: НАТО являлось военно-политическим противовесом вооруженным силам СССР, поэтому членство Турции в НАТО рассматривалось в Анкаре как определенная гарантия ее территориальной целостности. Однако стремлению Турции вступить в НАТО 1949 г. воспротивились некоторые действительные члены этого блока, в первую очередь европейские страны. Такое негативное отношение объяснялось тем, что правительства европейских стран-членов НАТО не считали Турцию европейским государством по причине больших культурно-исторических различий между ними и не стремились включать ее в свои ряды. Таким образом, Турция оказывалась в своего рода военно-политической изоляции, что рано или поздно могло привести к возобновлению претензий со стороны СССР. Такое положение продолжало серьезно беспокоить турецкое правительство, поэтому оно считало, что другого выхода нет: стране было нужно любой ценой вступить в НАТО, а значит изменить отношение к ней в первую очередь стран Запада. Положительное решение этого вопроса имело большое значение для турецкого правительства, поскольку в противном случае существовала высокая вероятность того, что Советский Союз мог возобновить свои притязания в отношении проливов и восточных территорий Турции.

Незадолго до начала Корейской войны, в результате выборов 14 мая 1950 г., к власти в Турции пришло новое правительство Демократической Партии во главе с Аднаном Мендересом, а спустя месяц после этого события на Корейском полуострове началась война. 25 июня 1950 г. северокорейские войска пересекли 38-ю Параллель и вторглись на территорию Республики Корея. Совет безопасности ООН расценил эти действия как угрозу миру на Корейском полуострове, поэтому обратился к странам ООН с призывом оказать военную помощь этой стране. В ответ на северокорейскую агрессию было создано объединенное командование ООН.

Когда вторая резолюция Совета безопасности ООН от 27 июня 1950 г. была оглашена в меджлисе Турции, депутаты незамедлительно приняли решение об отправке воинского контингента в Республику Корея, которая подверглась коммунистическому вторжению. Касым Гюлек, турецкий представитель в комиссии ООН по корейским делам, выступил с речью в меджлисе, высказав уверенность в том, что «любая страна, будь то Турция, Греция, Иран или какая-то другая, которая потенциально является объектом подобной агрессии со стороны Советского Союза, не может остаться в стороне от событий в Корее и не оказать помощи Южной Корее». Гюлек также отметил, что «каждая из этих стран видит себя на месте Республики Корея и, глядя на происходящее там, задумывается о своем будущем».³⁴⁹

29 июня готовность к оказанию поддержки Южной Корее высказал также министр иностранных дел Турции Фуат Кёпрюлю в беседе с послом США в Турции Водсвортом³⁵⁰. В своем отчете в Госдепартамент США Водсворт отметил, что в турецкой прессе во всех статьях, посвященных корейским событиям, просматривается страх турок перед подобной агрессией со стороны Советского Союза³⁵¹. Посол Турции в Москве Гёкер в тот же день отправил в Госдепартамент отчет, в котором выражал сомнение в том, что «Советы станут оказывать помощь Северной Корее» и «скорее всего их объектом внимания станет Иран, который входит также в сферу интересов Турции»³⁵². Таким образом, опасения турок по поводу возможной агрессии со стороны СССР были небезосновательными, и решение об отправке войск в Корею было принято «для защиты свободной Республики Корея от коммунистической агрессии».

³⁴⁸Political affairs and conditions: truce, cease-fire, armistice (1950 – 1953). Vol. VIII. Wash.:

US Department of State, 1970 – 1973. Tel. № 330. June 27, 1950 (after. – Political affairs and conditions).

³⁴⁹Ibidem.

³⁵⁰Ibidem. Tel. № 343. June 29, 1950.

³⁵¹Ibidem. Tel. № 346. June 29, 1950.

³⁵²Ibidem. Tel. № 1764. June 29, 1950.

Однако готовность турецкого правительства оказать помощь Южной Корее была основана не только на осознании угрозы со стороны СССР и на стремлении помочь демократическим странам в борьбе против коммунизма. Как отмечает немецкий историк Цюрхер, «Мендерес прекрасно знал, что некоторые европейские страны, являющиеся членами НАТО, выступают против вступления Турции в эту организацию. Однако он понимал, что у него в руках есть козырь: после начала войны на Корейском полуострове он выступил за то, чтобы отправить туда контингент турецких войск»³⁵³. Такая позиция премьер-министра Турции показывает, что его решение отправить войска в Корею также имело цель продемонстрировать единство с европейскими странами и, тем самым, переубедить противников принятия Турции в НАТО. Другим подтверждением того, что отправка войск изначально носила чисто политический характер и имела цель благодаря этому достичь наибольшего сближения с Западом, является другое заявление министра иностранных дел Турции Кёпрюлю от 14 июля, когда он в своей очередной беседе с Водсвортом отметил, что «для турецкой общественности факт отправки войск в Корею является попыткой «поставить себя в один ряд со странами западной демократии»³⁵⁴. По свидетельству одного американского дипломата Джорджа Макги, который во время Корейской войны занимал должность помощника госсекретаря по делам Ближнего Востока, Южной Азии и Африки, и в чьи задачи также входила координация реализации программы экономической помощи Турции, Турция была первой страной после США откликнувшейся на призыв ООН. Тогда Мендерес заявил, что только путем решения отправить войска на корейский фронт, и к которому должны прийти свободобивые страны, можно предотвратить акты агрессии и сохранить мир во всем мире.³⁵⁵

Официальное обращение генерального секретаря ООН Трюгве Ли к турецкому правительству с просьбой оказать военную помощь было сделано 24 июля 1950 г.³⁵⁶. В ту же ночь срочно было созвано совещание кабинета министров в Ялове. Премьер-министр Мендерес был обеспокоен возможной негативной реакцией со стороны СССР на отставку турецких войск в Корею. Посол Турции в США Эркин на это ответил, сказав: «Если мы сегодня не поможем Южной Корее, то кто же завтра поможет нам в случае возможного нападения на нас Советского Союза»³⁵⁷. Эркин предложил вынести этот вопрос на обсуждение в меджлис, с чем Мендерес согласился. Посол Сарпер, который в то время занимал пост постоянного представителя Турции в ООН, согласился отправить воинский контингент в Южную Корею при условии, что это будет способствовать вступлению Турции в НАТО. Эркин же не разделял его точки зрения и сказал, что будет большой ошибкой недооценить сложившуюся ситуацию. По мнению Эркина Турция, с одной стороны, должна была помочь Южной Корее, а с другой стороны, как и прежде, продолжать делать все возможное для вступления в НАТО, но делаться это должно независимо друг от друга³⁵⁸. Таким образом, встал вопрос о том, должно ли быть требование включить Турцию в НАТО обязательным условием для отправки воинского контингента в Корею или нет. С одной стороны, такое требование было бы вполне обоснованным в качестве платы Турции членов НАТО за ее участие в военных действиях на стороне ООН. Но тогда в глазах противников включения Турции в НАТО это требование выглядело бы как своего рода политическая сделка. Однако, учитывая тот факт, что турецкие войска не имели опыта военных действий за пределами своей страны и еще не получили международного признания, в том числе и европейских держав, нельзя было рассчитывать на то, что такая сделка имела бы успех. Участие турецких войск в военных действиях не было приоритетным для ее оппонентов в НАТО, а значит, включение Турции в этот блок не несло им на тот момент никакой выгоды. С другой стороны, при отсутствии такого требования участие Турции в военных действиях не вызвало бы возражений ни у одного члена НАТО, а по мере участия турецких войск в военных действиях можно было бы рассчитывать на перспективу решения вопроса о членстве в НАТО в будущем.

25 июля 1950 г правительство Мендереса объявило о своем решении отправить на корейский фронт бригаду из 4500 человек³⁵⁹. Согласно другому источнику, в тот день Анкара объявила об окончании формирования первой турецкой бригады, которая состояла из 241-го пехотного полка, усиленного артиллерийским батальоном, инженерной, транспортной и санитарной ротой, сигнальным взводом и авиационным отделением, основу которого составляли два современных истребителя Л-18. Здесь стоит обратить внимание на то, что согласно американским документам, турецкое правительство объявило о начале формирования бригады еще в конце июня, а завершило ее формирование к 25 июля. Согласно же Эсмеру получается, что бригаду было решено сформировать лишь после обращения Трюгве Ли непосредственно к турецкому правительству и формирование ее началось 25 июля. Но последнее представляется маловероятным, поскольку уже 26 июля бригада была отправлена на военные учения³⁶⁰, а сформировать бригаду из 4500 человек в течение одних суток практически не представляется

³⁵³Zürcher Erik Jan. *Modernleşen Türkiye'nin tarihi*. Istanbul, 2001. S.341 (далее. – Zürcher).

³⁵⁴Political affairs and conditions. Tel. № 31. July 14, 1950.

³⁵⁵McGhee G.C. *On the frontline in the Cold War: an ambassador reports*. L., 1997. P. 32 (after. – On the frontline in the Cold War).

³⁵⁶Türk dış Politikası (1919 – 1973) // Ahmet Şükrü Esmer. 2 Cilt. Ankara, 1982. Cilt 1. S. 236. (далее. – TDP).

³⁵⁷Zürcher. S.340.

³⁵⁸Ibidem.

³⁵⁹Political affairs and conditions. Tel. № 45. July 25, 1950.

³⁶⁰History of the Korean War. Vol. III. 1951 – 1952 / Fox W. In 5 vv. Wash: US Army Center of Military history, 1953. P.619.

возможным. Поэтому можно предположить, что турецкое правительство в течение июля уже вело формирование бригады – о чем свидетельствует весьма достоверная информация из отчетов посла Водсворта в Госдепартамент США³⁶¹, но оттягивало официальное заявление об окончательном формировании войск. Несмотря на выражение готовности помочь Южной Корее и отправить на помощь свои войска еще в конце июня, турецкое правительство, очевидно, имело некоторые сомнения по поводу того, стоит ли отправлять войска, если это может вызвать негативную реакцию СССР. Официальное же обращение к Турции Генсека НАТО 24 июля – когда ситуация на корейском фронте складывалась далеко не в пользу южан и оттягивать создание союзной армии было больше нельзя – подтолкнуло турецкое правительство принять свое окончательное решение, которое было принято и оглашено уже 25 июля.

В тот же день, когда турецкое правительство официально объявило об отправке своих войск в Корею, сенатор Кэйн сделал заявление о том, что «результатом такого предложения турецкого правительства может быть включение Турции в НАТО»³⁶², Ачесон в своей телеграмме послу США в Анкаре опроверг заявление сенатора и попросил посла предостеречь турецкое правительство и общественность от столь преждевременных заключений³⁶³. Из этого можно сделать вывод, что в начале Корейской войны официально правительство США еще занимало отрицательную позицию по отношению к включению Турции в НАТО.

Решение турецкого правительства направить войска в Корею вызвало бурную реакцию в самой Турции. Как следует из отчетов Водсворта, единственным, кто выступал против отправки войск, была оппозиционная народно-республиканская партия во главе с бывшим Президентом Турции Исметом Инёню. Он скептически относился к тому, что войска ООН поддержали бы Турцию в случае возможного нападения на нее. Оппозиция выдвинула следующие аргументы: она указывала на то, что правительство должно было не один раз подумать, прежде чем ослаблять турецкую армию отправкой 4500 человек. Также она обвиняла турецкое правительство в том, что оно не потребовало ни от США, ни от ООН никаких письменных гарантий о том, что они окажут Турции всякого рода помощь, если она станет субъектом подобной агрессии³⁶⁴, в связи с чем у Турции неофициально стали возникать требования о ее приеме в НАТО³⁶⁵. Но против решения правительства выступала не только народно-республиканская партия. Как пишет корейский историк О Ын Гион в своей работе «Военная литература Турции и Кореи»³⁶⁶, самым ярким противником отправки войск в Корею было «Турецкое Общество Защиты Мира», которое требовало, чтобы парламент признал отставку войск недействительным. Народная Республиканская Партия Турции, ведущая партия со дня основания республики, на очередных парламентских выборах заняла второе место и, несмотря на то, что ее члены были против отправки войск, она уже не могла играть решающую роль в решении этого вопроса. В партии считали, что отправка войск в Корею вызовет у СССР желание отомстить и приведет к агрессии с его стороны в отношении Турции.³⁶⁷ В это время страны Ближнего Востока находились под влиянием холодной войны, поэтому решение Турции отправить войска в Корею не могло не вызвать мысли о том, что это будет на руку укреплению демократической системы во главе с США. По мнению О Ын Гиона, истинной причиной недовольства оппозиционеров была не столько проблема определения дипломатического курса всех стран Ближнего Востока или проблемой защиты человеческих ценностей в связи с отправкой войск на Корейскую войну, а сколько то, что турецкое правительство никак не воспрепятствовало решению парламента, и что принятие окончательного решения кабинетом министров было преждевременным.³⁶⁸ Что касается целей, которые преследовало турецкое правительство при решении отправить свои войска, корейский автор видит не только в перспективе получения гарантий безопасности, но и также в возможности получения дополнительной военной и экономической помощи со стороны США, что было важным аргументом в ответ на противостояние оппозиционных и левых партий. По сообщениям Водсворта, Мендерес заявил оппозиции, что турецкая армия не ослабеет, если отправит в Корею 4500 солдат,³⁶⁹ и подчеркнул оппозиции, что «войска едут туда не просто воевать, а помочь восстановить мир на Корейском полуострове»³⁷⁰.

Несмотря на оппозицию, можно сказать, что подавляющее большинство турецких граждан активно поддерживали решение правительства об участии в Корейской войне. Как сообщал в своем отчете Водсворт, «газеты пестрили заголовками типа “Мы отправляем войска в Корею!”, “Идут турки!”, “Турция

³⁶¹Political affairs and conditions .Tel. № 343. July 25, 1950.

³⁶²Ibidem. Tel. № 57. July 25, 1950.

³⁶³Ibidem. Tel. № 47, July 28, 1950.

³⁶⁴Ibidem. Tel. № 78. August 3, 1950.

³⁶⁵Ibidem.

³⁶⁶오온건. 터키와 한국 전쟁 문학.서울, 2003. 299페

³⁶⁷Ibidem.P. 207.

³⁶⁸Ibidem.P. 208.

³⁶⁹Political affairs and conditions .Tel. № 78. August 3, 1950.

³⁷⁰Ibidem.

выполнит свою миссию» и т.д.»³⁷¹ Читая сквозь строк, нетрудно увидеть в них негативную реакцию на коммунизм и чувство единства с Западом, а также явное возрождение у турок исторически характерного для них духа милитаризма. Даже самая крупная по тем временам школьная организация «Национальная Федерация Школьников Турции» говорила, что «турецкому народу, выступающему за свободу и любовь к человечеству, выпала замечательная возможность».³⁷² Так турки выражали протест коммунизму, к чему также примешивалось влияние ислама. Министр по делам религии Турции Ахмет Хамди Аксеки 25 августа на пресс-конференции с журналистами сказал, что ислам, самая главная религия мира, может стать единственным оружием для борьбы с коммунизмом. Он также открыто заявлял, что, поскольку участие Турции в войне непременно примет форму «Джихада», то все турецкие солдаты, которые отправятся на войну, непременно будут готовы отдать свою жизнь ради торжества идеи.³⁷³

На фоне этих событий 1 августа Турция во второй раз подала заявку на вступление в НАТО через послов США, Франции и Великобритании в Анкаре³⁷⁴. За этим последовало заявление министра иностранных дел Турции Фуата Кёпрюлю о том, что без Турции и Греции североатлантический альянс не может считаться завершенным и, со стратегической точки зрения, важно не исключать Восточное Средиземноморье из общей схемы обороны³⁷⁵. Однако, члены НАТО по-прежнему не проявляли желания принимать Турцию в свои ряды, которые были обеспокоены тем, что в этом случае территория альянса станет граничить с СССР. Как следствие, это предложение было в очередной раз отклонено в сентябре 1950 г. советом министров иностранных дел стран НАТО³⁷⁶.

Тем не менее, решение отправить войска уже было принято, несмотря на очередной отказ принять Турцию в НАТО. На следующий день после официального заявления турецкого правительства об отправке войск в Корею, бригада отправилась в Анкару для прохождения интенсивной восьминедельной военной подготовки в артиллерийское училище, а затем в Полатхылар для проведения тактических учений. Подготовка бригады к боевым действиям проходила в период с 26 июля по 13 сентября³⁷⁷. С 19 октября 1950 г., когда первый турецкий солдат ступил на корейскую землю, и до подписания перемирия 27 июля 1953 г., в боях на корейском фронте приняло участие около 15 тыс. воинов. Со стороны турок это был немалый вклад, особенно при сравнении численности армий стран участников: по этому показателю Турция заняла четвертое место после войск Республики Корея, США и Великобритании.³⁷⁸

Ставка турецкого правительства на участие своих войск в военных операциях на корейском фронте стала приносить первые плоды ко времени окончания срока пребывания турецкой бригады в Корее. Но это произошло благодаря не столько усилиям турецкой дипломатии, сколько тому, как проявили себя солдаты и офицеры 1-й Турецкой Бригады во время военных действий в составе союзных войск ООН в Корее. Большинство союзников ценило их отвагу и боевые заслуги. В качестве примера можно привести слова генерала Ван Флита, который следующим образом охарактеризовал солдат турецкой бригады после сражения под Куну-ри: «Это была жестокая битва, где наиболее фанатично сражалась турецкая пехота, которая в буквальном смысле доставала врага из каждой щели»³⁷⁹. Разрозненная оппозиция вскоре сменилась гордостью за боевые качества турецких войск, которые добились признания во всем мире. Решение же правительства отправить войска в Корею было одобрено подавляющим большинством меджлиса только в декабре 1950 г.

Положительно также отзываясь о турецких солдатах Уильям Стьюк, отмечая их высокую степень военной подготовки по сравнению с остальными представителями азиатских стран в составе войск ООН – Индии, Филиппин и Таиланда. При этом он указывает на их «очень слабую военно-техническую подготовку»³⁸⁰, что подчеркивает боевые достоинства солдат турецкой бригады, которые были по достоинству оценены командным составом американской армии. В целом, превосходное владение турок рукопашным боем, первоклассное управление и хладнокровность во время ведения боя были основными достоинствами турецких солдат, чем восхищались солдаты остальных национальных армий, воевавших в Корее, в первую очередь армии США.

³⁷¹Ibidem. Tel. № 64, July 27, 1950.

³⁷²오은견. 터기와 한국 전쟁 문학. 페208.

³⁷³Ibidem. P. 209.

³⁷⁴TDP. S. 237.

³⁷⁵Ibidem.

³⁷⁶Ibidem. S. 238.

³⁷⁷History of UN forces. P. 619.

³⁷⁸Ibidem. P. 676.

³⁷⁹Ibidem. P. 686.

³⁸⁰Stück W. The Korean War: an international history. New Jersey, 1995. P. 72.

Хотя, как отмечает Хастингс, «турки явно не проявляли интереса ни к повышению уровня тактической подготовки, ни к замысловатым премудростям военного дела»³⁸¹, он признает, что «они обладали завидным мужеством и выносливостью»³⁸². Более того, как вспоминает генерал Лоутон Коллинз о сражении под Вавоном 29 ноября 1950 г., «турецкая бригада приняла удар противника на себя и, тем самым, предотвратила попадание в окружение Второй Дивизии американских войск на севере от Кунури»³⁸³. Очевидно, что подобные случаи не могли остаться незамеченными командованием американских войск, в составе которых воевала турецкая бригада. Как результат, стало меняться в лучшую сторону отношение администрации США и к Турции в целом: ведь 15 мая 1951 г. именно США выступили с предложением к партнерам по НАТО принять Турцию в эту организацию.

Как отмечает в своих мемуарах Макги, дипломаты Госдепартамента США к середине 1951 г. стали по новому смотреть на вопрос о вступлении Греции и Турции в НАТО. Они приходили к выводу, что турки, несмотря на свое сильное желание вступить в НАТО, приходили в уныние и продумывали альтернативные варианты действий на тот случай, если их вступление в НАТО будет снова отложено. Американские дипломаты считали, что смогут лучше работать с турками, когда они очень хотят вступить в НАТО, нежели когда, их интерес к этому начнет угасать. Также они принимали в расчет то, что турецкая армия тогда была больше армии любого члена НАТО. Несмотря на то, что Норвегия поставила под вопрос такое решение греко-турецкой проблемы, Великобритания постепенно изменила свою позицию в пользу принятия Турции и Греции в НАТО. 18 июля 1951 г. новый министр иностранных дел Великобритании Герберт Моррисон открыто заявил об оказании поддержки, а также информировал об этом правительства Греции и Турции. Вопрос был поставлен на повестку дня на заседании североатлантического совета, которое должно было пройти в Оттаве в конце июля. На Джорджа Перкинса, помощника министра по европейским делам, была возложена ответственность за проведение всей конференции, а его назначили одним из старших советников делегации по обсуждению греко-турецкого вопроса.³⁸⁴ По словам Макги, включение Греции и Турции в НАТО оказалось еще большей проблемой, чем ожидалось, даже несмотря на предварительное согласование этого вопроса между США, Великобританией и Францией, поскольку основная оппозиция ожидалась со стороны скандинавских членов, которые, вступив в НАТО для обеспечения защиты Североатлантического региона, где они жили, не хотели быть втянутыми в войну на небезопасном Ближнем востоке. После длительных переговоров Дания стала последней страной, снявшей оппозицию. Однако непосредственно перед началом голосования Великобритания и Франция попытались извлечь национальное преимущество из того решения, которое уже договорились принять. Франция старалась использовать свой положительный голос для назначения одного французского адмирала главой недавно созданного Средиземноморского Морского Командования; Великобритания же старалась склонить Турцию – в качестве платы за вступление в НАТО – к постановке ее войск на период военного времени под контроль Ближневосточного Командования во главе с Великобританией. В ответ американская сторона передала англичанам, что если Турция с готовностью примет это, то они не будут против этого. С другой стороны, американцы не были намерены пытаться принуждать Турцию стать членом Британского командования.³⁸⁵ Более того, в ходе контактов с турками через их представителя в Оттаве выяснилось, они были решительно против членства в британском командовании.

Прошло много часов прений между тремя державами по этим двум вопросам, но в результате приглашение Греции и Турции в НАТО прошло единогласно. Протокол о включении Греции и Турции в НАТО был подписан советом представителей в середине октября. Дания была последней страной подписавшей окончательное принятие этих стран в НАТО. Голосованием 73 против 2, при отсутствии на голосовании 21 членов, Сенат одобрил ратификацию протокола 29 января 1952 г.

29 января 1952 г. За две недели до этого генерал армии Брэдли сделал следующее заявление: «С военной точки зрения, невозможно переоценить значение этих двух стран. Их присутствие в альянсе внесло бы стабильность в регион, который мы считаем особенно важным. Греция и Турция занимают стратегически важную позицию и предлагают НАТО свои немалочисленные, с высоким уровнем подготовки вооруженные силы. Их территория вполне подходит для проведения оборонительных операций, которые пришлось бы проводить в случае внешней агрессии, и обе они занимают ключевые позиции атлантической системе обороны. Вместе с другими западными странами они могли бы достойно противостоять вооруженным силам СССР и его сателлитам в случае агрессии со стороны последних по отно-

³⁸¹Hastings M. The Korean War (1950 – 1953). L., 1987. P. 286.

³⁸²Ibidem.

³⁸³Collins L. War in Peacetime: the history and lessons on Korea. Boston, 1969. P. 223

³⁸⁴On the frontline in the Cold War. P. 33

³⁸⁵Ibidem. P. 35

шению к странам Запада»³⁸⁶. Такое выступление генерала армии сыграло определенную роль в том, чтобы убедить членов Сената в правильности такого решения.

Окончательно протокол вступил в силу 15 февраля 1952 г., посредством чего область действия договора была расширена, включив в себя Грецию и Турцию, а 18 февраля 1952 г. в межжлисе решение о вступлении в организацию было одобрено подавляющим числом голосов. По мнению Джорджа Макги, назначенного послом в Турции в 1951 г., «это было не только признанием стратегической важности Турции, но и также ее равенства с западноевропейским сообществом»³⁸⁷.

Несколько лет спустя министр иностранных дел Турции Кёпрюлю сделает следующее заявление в межжлисе: «Атлантический альянс входит в рамки нашей национальной политики, поскольку главные приоритеты внешней политики Турции, а также основополагающие принципы ООН, такие как мир, свобода и территориальная целостность, также являются главными принципами НАТО»³⁸⁸.

Таким образом, начало войны на Корейском полуострове дало возможность Турции воспользоваться благоприятным моментом для того, чтобы поднять свой статус в глазах США и Запада в целом, для чего турецкое правительство решилось на очень важный для своего политического будущего шаг – отправить контингент турецких войск на Корейскую войну. Это было сделано несмотря на то, что турецкое правительство опасалось негативной реакции СССР и обострения отношений с ним, а потому оттягивало принятие окончательного решения. Официальное обращение к ней генсека ООН 24 июля заставило Турцию понять, что этот вопрос не требует отлагательств, и ей нужно выбирать. Но выбор напрашивался один: встать на сторону ООН, поскольку это давало Турции значительно больше плюсов, чем вариант остаться в стороне и не обострять отношений с СССР. Во-первых, благодаря этому Турция могла повысить свой статус в глазах Запада. Во-вторых, в этом случае Турция могла на полном основании рассчитывать на скорое осуществление своей заветной мечты – добиться членства в НАТО, что было самой главной причиной для принятия такого решения. Хотя США не давали ей никаких гарантий на включение ее в НАТО, Турция пошла на этот шаг в перспективе на будущее. Вторая попытка вступить в НАТО в августе – сентябре не удалась столько не из-за нежелания США, сколько из-за противодействия европейских членов НАТО. Но, несмотря на это, турецкое правительство сделало верный политический ход тем, что в этом вопросе всецело полагалось на поддержку США. Многие события свидетельствуют о том, что изменения позиции США по отношению к вопросу о геостратегическом значении Турции стали происходить благодаря участию турецких войск в Корейской войне. Здесь будет уместно вспомнить о том, что еще в июле 1950 г., когда Турция заявила о своем решении отправить войска в Корею, никто не мог ей дать гарантии на вступление в НАТО. Безусловно, немалую роль в этом сыграло и опасение того, что, в том случае, если оттягивать вступление Турции в НАТО, Советский Союз мог снова начать оказывать давление на эту страну. Можно сказать, что Корейская война стала тем катализатором, который ускорил интеграцию Турции в западноевропейскую систему безопасности.

И.В. Конева

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ «СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДЕРЕВЕНЬ» В РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ

Республика Вьетнам – государство, существовавшее на территории Южного Вьетнама в 1955 – 1975 гг. Вьетнам издавна представлял интерес для великих держав как государство, имеющее стратегически выгодное положение. Ещё с XIX в. Вьетнам являлся частью французских колониальных владений. Войны Франции в Индокитае завершились подписанием 21 июля 1954 г. Женевских соглашений, которые признавали независимость и территориальную целостность трёх стран Индокитая – Вьетнама, Лаоса и Камбоджи³⁸⁹. Несмотря на подписание соглашений, объединить Вьетнам так и не удалось: северную и южную части страны разделяла демилитаризованная зона и демаркационная линия приблизительно по 17-й параллели. Эта линия являлась временной и не должна была рассматриваться как политическая или территориальная граница³⁹⁰. После ухода французов из Индокитая правительство Хо Ши Мина быстро укрепило свою власть в Северном Вьетнаме. В 1945 г. была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ). В Государстве Вьетнам (Южный Вьетнам) на смену французам пришли США, а гла-

³⁸⁶Howard H. Turkey and the straits and US policy. L., 1974. P. 265

³⁸⁷Harris G. Troubled alliance: Turkish-American problems in historical perspective, 1945 – 1971. Wash., 1972. P. 44

³⁸⁸TDP. S. 251

³⁸⁹Соглашение о прекращении военных действий во Вьетнаме от 20 июля 1954 г. // Женевское совещание министров иностранных дел. 26 апреля-21 июля 1954 г. Документы по индокитайскому вопросу. М.: МИД СССР, 1956. С. 222.

³⁹⁰Заключительная декларация от 21 июля 1954 г. Женевского совещания по вопросу восстановления мира в Индокитае // Женевское совещание министров иностранных дел. С. 275.